

Л. А. БЕРЕЗНЫЙ

Осторожно: сравнительно-исторический анализ

Заметки на полях статьи А. П. Бутенко

«Философия истории и XX столетие»

(«Философия и общество». 1997. № 5)

Автор названной статьи предложил читателям свое видение развития мирового исторического процесса в уходящем столетии и веке предстоящем. Полагая, что рыночная экономика отжила свое и «закономерно сходит со сцены», А. П. Бутенко пришел к заключению, что исторически необходимое возвращение стран «бывшего мирового социализма» к рыночной экономике должно вести не к рынку капиталистическому, а к «рыночному социализму как средству возвращения на путь прогресса». Не берусь судить, насколько в целом продуктивна предложенная концепция. Это, видимо, компетенция социологов-теоретиков. Меня же взялась за перо побудило сказанное на заключительных страницах статьи: А. П. Бутенко утверждает, что России следует идти по пути Китая и Вьетнама, которые «добиваются быстрого прогресса, реализуя принципы рыночного социализма»¹. Автор не подкрепляет этот категорический вывод какими-либо конкретными аргументами, отсылая читателей к своей работе «Рыночная экономика и рыночный социализм в свете опыта СССР, России и Китая» (ИМЭПИ РАН. М., 1996). К сожалению, попытки ознакомиться с данной публикацией оказались тщетными — в каталогах библиотеки Академии наук РАН в Петербурге книга не числится (хотя в принципе библиотека должна получать обязательный экземпляр любой публикации; видимо, работа, на которую ссылается А. П. Бутенко, — внутриинститутское издание). Думаю, что по той же причине большинство читателей журнала также лишено возможности самостоятельно составить представление об обоснованности столь категорического вывода, предложенного А. П. Бутенко. Мне, читателю, не остается ничего иного, как исходить из сказанного в данной статье, памятуя при этом, что сопоставление общественного развития разных стран — очень тонкий аналитический инструмент, применение которого требует особой осторожности.

Сравнение опыта реформ в Китае и России — тема, привлекающая внимание обществоведов и на Западе и на Востоке, точки зрения предлагаются самые разные, порой противоположные². Представить здесь весь спектр мнений, разумеется, невозможно; целесообразнее, видимо, хотя бы кратко познакомиться с суждениями китайских авторов, знающих суть «китайского пути» реформ, так сказать, «изнутри»³.

Вот предупреждение известного экономиста Фань Гана, автора ряда трудов, спискавших признание научной общественности не только в КНР: «Любые

¹ Бутенко А. П. Философия истории и XX столетие // Философия и общество. 1997. № 5. С. 88. Огорчают некоторые «полевые» пассажи автора, вызывающие, казалось бы, ушедшие в небытие приемы «дискуссии».

² О взглядах западных ученых см.: Обзор О. Н. Борох в журнале «Восток». 1996. № 3.

³ Здесь использованы публикации, изданные в переводе на русский язык, что позволит читателям самим судить о взглядах ученых КНР.

сопоставления между реформами в Китае и в странах Восточной Европы и бывшем СССР — чрезвычайно сложная задача. Прошло только 3 года со дня начала реформ в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе (статья была опубликована в 1995 г. — Л. Б.), а в Китае реформы проводятся уже 15 лет. Успехи, достигнутые в Китае в ходе реформ, *не следует* ошибочно воспринимать как свидетельство превосходства китайского пути (курсив мой. — Л. Б.)⁴. В свою очередь профессор Фэн Шаолэй, заместитель председателя Ассоциации международных стратегических исследований (г. Шанхай), указывает на то, что «нельзя не учитывать тех различий, которые были свойственны нашим странам, структуре экономики и населения, уровню жизни и т. п.»⁵ Так, по уровню индустриализации и развития науки и техники Россия намного опережала Китай... В России свыше 3/4 населения проживает в городах, свыше 95% населения было занято на государственных предприятиях города и деревни. В Китае, напротив, 3/4 населения проживает в деревне и занято не только сельскохозяйственным, но и промышленным трудом в негосударственном секторе экономики. Влияние этих различий на проведение реформ очевидно. Свыше 95% работников государственных предприятий города и деревни России находились под всесторонней защитой государства. Как только такого рода защита была снята или существенно ослаблена, началось расшатывание или развал основ старой системы. В Китае, напротив, созданные в деревне за время реформы многочисленные *негосударственные* (курсив мой. — Л. Б.) промышленные предприятия осуществляют наем работников, высвобождающихся из сферы сельскохозяйственного труда, то есть создают возможность трудоустройства крестьян в системе складывающихся рыночных отношений на сельских промышленных предприятиях. Наконец, Китай пользуется значительной поддержкой со стороны зарубежных китайцев (им принадлежат до 80% иностранных инвестиций. — Л. Б.), в то время как Россия не располагает такой поддержкой...⁶. «Учитывая известное сходство характера прежних экономических систем в Китае и в России, — продолжает китайский ученый, — надо также помнить, что широта и глубина внедрения этих систем в наших странах были различными. В Китае гораздо слабее влияние централизованного планирования, чем в СССР. Как говорится, нет худа без добра: десятилетний хаос во время «культурной революции» существенно снизил роль централизованного планирования и макрорегулирования. В этих условиях местные власти были вынуждены создавать свои мелкие и средние промышленные предприятия». И далее: «В России в условиях, когда негосударственный сектор еще не сложился и, следовательно, отсутствовала возможность капиталовложений за его счет, пришлось встать на путь «шоковой терапии», то есть всеобщей либерализации цен с расчетом на то, что «все отрегулирует рынок...»⁷ Вот почему мы можем сказать, что *самое существенное различие путей проведения реформ в Китае и в России* (курсив китайского автора. — Л. Б.) состоит в том, что в Китае вначале был подготовлен негосударственный источник финансирования, а в России главным и все уменьшающимся источником финансирования по-прежнему остается государственный бюджет»⁸.

⁴ Фань Ган. Реформы по нарастающей и «двухколейный» переход в осмыслении опыта Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 72.

⁵ Приходится удивляться тому, что наши ревнителы «китайского пути» для России игнорируют это элементарное правило сравнительного исторического анализа.

⁶ Фэн Шаолэй. Некоторые подходы к проблеме сравнения экономических реформ в Китае и в России // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 75.

⁷ Фэн Шаолэй упоминает о тяжелых последствиях «шоковой терапии» и некоторых ошибках в осуществлении реформ в России.

⁸ Фэн Шаолэй. Указ. соч. С. 78—79.

Прервом по необходимости пространное цитирование (журнал «Проблемы Дальнего Востока» не слишком распространен среди обществоведов), поскольку у внимательного читателя должен возникнуть закономерный вопрос: может быть, России и следовало, по примеру Китая, сначала подготовить негосударственные источники финансирования экономики, а уж затем приступать к реформам. Прочитываемые замечания китайского ученого уже содержат частичный ответ. Другая часть замечаний Фэн Шаолэя дополняет его. Отметив известное сходство реформ в хозяйственном микроорганизме в Китае и в России в 80-х — начале 90-х годов, китайский автор указывает на то, что «плановая высокоцентрализованная система в бывшем СССР оказалась более неповоротливой и испытывала на себе несравненно большее давление предприятий, чем в Китае... Тем не менее *самым значительным* различием (курсив мой. — Л. Б.) в хозяйственном микроорганизме Китая и России являлся тот факт, что в Китае на первом этапе реформ в деревне быстро прижился семейный подряд, заменивший коллективную форму хозяйствования. В 80-е годы СССР в конце концов декларировал необходимость широкого движения арендаторов в сельскохозяйственном секторе. Однако высокомонополизированная и застывшая система распределения ресурсов сковала свободу их хозяйствования (Фэн Шаолэй ссылается и на личные наблюдения во время пребывания в СССР в те годы. — Л. Б.)... Мешала проведению реформы и традиционная общинная идеология коллективизма». Однако, замечает далее Фэн Шаолэй, хотя М. С. Горбачев и хвалил кооператоров, «кооперативная экономика так и не получила в СССР юридического признания. Возможно, эта экономика в случае ее бурного развития грозила старой сложившейся экономической системе своей активной конкурентоспособностью, и кое-кто этого боялся»⁹.

В этой последней фразе профессор Фэн Шаолэй обратил внимание на одну из важных причин того, почему «китайский путь» — «стратегия постепенных реформ» — оказался неприемлемым для СССР, «кое-кто боялся». Другие причины отмечены его коллегой Фань Ганом. Указав на

то, что и в Китае и в России назрела общественная потребность в революционных переменах, китайский экономист констатирует: если «в России за 70 лет существования прежней советской системы к концу 80-х годов общество оказалось в состоянии *глубокого кризиса*¹⁰ (курсив мой. — Л. Б.), то 30-летняя история социализма в Китае была слишком коротка, чтобы истощить потенциал китайской экономики¹¹. В то время большинство населения еще не утратило «веру» в старую систему, поскольку люди не испытали последствий стагнации и падения доходов, как это произошло в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе... Напротив, радикальные реформы были востребованы обществом в странах Восточной Европы и бывшем СССР после политических изменений, имевших место в конце 80-х годов. Когда в 1989 г. *свершилась революция* (курсив мой. — Л. Б.), именно путь постепенных преобразований был неприемлем для большинства. Спустя 3 года аналогичные результаты продемонстрировал референдум в апреле 1993 г.»¹² (и, добавим, в июле 1996 г.).

Эти констатации китайского ученого содержат наблюдения относительно главной, может быть, причины, обусловившей различия в стратегии реформ в КНР и в

⁹ Там же. С. 80-81.

¹⁰ И Фэн Шаолэй, и Фань Ган напоминают о неудаче попыток реформирования экономики СССР в 60–80-е годы.

¹¹ Фань Ган замечает, что в КНР старая система (государственный сектор) еще не исчерпала себя даже после 25 лет реформ.

¹² Фань Ган. Реформы по нарастающей и «двухколейный» переход: осмысление опыта Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 61.

России. В Китае переход к реформам стал возможен после политического поражения их противников *внутри* руководства КПК. В СССР, напротив, поражение потерпели сторонники реформ (XXVIII съезд КПСС); это еще более обострило кризис, не оставив иной альтернативы, кроме как смены политической власти. Но политическая революция, начавшись бескровно в 1990 г., в России в сущности еще не завершилась ввиду продолжающегося сопротивления антиреформаторских сил; наиболее очевидные вехи этого противостояния (1991, осень 1993, 1996) хорошо известны; сказывается и инерция системы, господствовавшей столько десятилетий. Таким образом, в России до сих пор сохраняется ситуация, недопущение которой в Китае считается *conditio sine qua none* проведения реформ — поддержание в стране социальной стабильности¹³. Приходится лишь удивляться тому, что наши поборники «китайского пути» для России не заметили (!) этого различия и, более того, требуют «политического поворота», что означало бы по меньшей мере ухудшение нынешней и без того нестабильной политической ситуации. В этом случае любой переход, в том числе и к «социалистической рыночной экономике», практически оказался бы невозможным.

Объективное сопоставление хода реформ в КНР и в России требует, по моему мнению, ответа на вопрос: почему КПСС как правящая в СССР партия оказалась неспособной начать переход к рыночной экономике, тогда как компартия Китая, столь монопольно обладающая властью, сумела совершить этот поворот, не допустив краха политической системы, причем инициатором поворота выступил ветеран партии, революционного движения и государственного строительства Дэн Сяопин. Поиски ответа на первую часть вопроса — компетенция историков КПСС, второй — китаеведов, которые пока, пожалуй, лишь нащупывают подходы к проблеме. Одним из важных факторов явилось, на мой взгляд, наличие в теоретическом багаже КПК и копилке практического опыта концепции «новой демократии». Для тех читателей журнала, которые, возможно, мало знакомы с историей КПК, отмечу лишь, что названная концепция предусматривала допущение на длительный *период* «перехода к социализму» многообразия форм собственности, существенных элементов рыночной экономики и участия частных собственников в политической жизни общества; все это — при руководящей роли пролетариата (КПК) и обеспечении ведущей роли в экономике государственного сектора¹⁴. Мелкие крупницы опыта практического применения этих принципов были получены КПК в одном из районов Китая, контролирувавшемся ею во время войны сопротивления японской агрессии. В 1949 г. теория «новой демократии» послужила основой формирования новой государственности и до некоторой степени воплощалась, правда, весьма непоследовательно, в экономической и политической жизни общества. Однако в 1952 г. эти принципы были отброшены, и в экономике восторжествовала командно-административная система, применение политических принципов новой демократии формализовано.

Теория «новой демократии» еще со времени ее провозглашения сразу стала предметом острой политической борьбы в руководстве КПК. Ее приверженцы терпели

¹³ Американский политолог Эд. Фридман, хорошо знающий китайские реалии, приводит многочисленные свидетельства весьма критического отношения части китайского общества к существующей в стране политической системе и даже обнаруживает в стране «кризис национальной идентичности»; тем не менее автор замечает: «Китайцы все еще считают себя одним народом, все еще боятся хаоса и раздробленности, все еще не оказывают поддержки призывам к распаду» (Ed. Friedman. *National Identity and Democratic Perspectives in Socialist China*. N. Y., 1995. P. 341).

¹⁴ Мао Цзэдун. О новой демократии // Избранные произведения. М., 1953. С. 225. (Перевод с кит.).

поражения, но само признание целесообразности «новой демократии» полностью не удалось вытравить из сознания по крайней мере части партийных кадров. Курс на реформы, провозглашенный в декабре 1978 г. пленумом ЦК КПК, означал возвращение к принципам «новой демократии»¹⁵. И после начала реформ борьба вокруг применения тех или иных ее аспектов продолжалась (и, насколько известно, продолжается и ныне). Однако имеется, по-видимому, достаточно оснований для вывода о необратимости избранного курса. Но политическая система, формально соответствующая теории «новой демократии», во многом противоречащая назревшим потребностям дальнейшего углубления реформ (в частности, государственного сектора), пока что не претерпела существенных изменений. На необходимость «реформы всего политического строя» обращает внимание и Фэн Шаолэй, предупреждая, что это будет связано с «очень трудными испытаниями»¹⁶. Вот почему, на мой взгляд, проблема выбора пути общественного развития КНР полностью все еще не решена.

А. П. Бутенко придерживается, по-видимому, иного мнения: Китай (и Вьетнам) «добиваются быстрого прогресса, реализуя принципы рыночного социализма» (курсив мой. — Л. Б.)¹⁷. Однако ученым КНР суть этих принципов не кажется столь ясной. Фань Ган, отметив, что определение целей реформ корректировалось (от «введения в экономику некоторых рыночных элементов» к «сочетанию плана и рынка» и затем к «нынешней модели социалистической рыночной экономики»), констатирует отсутствие «широкого согласия по вопросу о том, что такое «рынок» и каковы его институциональные требования. Очевидно, — продолжает китайский ученый, — определение новой целевой модели все еще весьма противоречно и будет объектом дальнейших споров и корректировок. Часто задают вопрос: что такое «социалистическая рыночная экономика»? Возможно, более важно для практики было бы спросить: что нового в этой целевой модели, в каком направлении модели изменяются?»¹⁸

Как видим, в Китае разработчики и проводники политики создания «социалистической рыночной экономики» сами еще не вполне разобрались в том, что она собой представляет, куда ведет, какие потребуются новые корректировки? КНР все еще ищет свой путь. Стоит ли требовать, да еще в такой категорической форме, поворота и России на эту далеко еще не изведенную дорогу?

В политической пропаганде и научных разработках в КНР используется не столько формула «социалистическая рыночная экономика», сколько конфуцианское понятие «сяокан», предложенное Дэн Сяопином как определение стратегических целей экономических реформ. Существует несколько переводов этого термина на

¹⁵ Теория «новой демократии» долгое время рассматривалась в китаеведении лишь как тактическое средство привлечения на сторону КПК поддержки «средних слоев» во время войны против японской агрессии. Лишь в последнее время стала получать признание иная точка зрения: «новая демократия» являлась выражением стратегической линии КПК на длительный период (см. Березный Л. А. Об одном аспекте теории «начальной стадии социализма» // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 4; Меликсетов А. В. «Новая демократия» и выбор Китаем путей социально-экономического развития (1949—1953 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. К проблематике, связанной с «новой демократией», обращаются теперь и историки КНР (см., в частности, Ян Куйсун. Почему Мао Цзэдун отказался от «новой демократии»? К вопросу о влиянии российской модели // Синьхуа Вэньчжай. 1997. № 10. (на кит. яз.).

¹⁶ Фэн Шаолэй. Указ. соч. // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 83.

¹⁷ Бутенко А. П. Указ. Соч. С. 88.

¹⁸ Фань Ган. Указ. соч. С. 61.

русский язык, в частности: «малое благоденствие, «малое благосостояние», «уровень средней зажиточности», «среднего (скромного) достатка». Воплощение в жизнь принципов «сяокан» предполагает достижение к середине XXI в. уровня среднеразвитых стран¹⁹. Нашим пропагандистам заимствования «китайского пути» как образца для России стоило хотя бы ознакомиться, в частности, с вполне доступной статьёй И. Наумова о «сяокан», может быть, тогда они лучше разберутся в различных социально-экономических ситуациях в Китае и в России, различий, исключаящих, по моему мнению, следование в реформах одной и той же модели.

Есть еще один важный фактор, почему-то не учитываемый сторонниками «поворота» России на «китайский путь» — цивилизационные различия. Их значение хорошо понимают китайские ученые. Фэн Шаолэй напоминает, что реформы в Китае и в России происходят «в условиях глубокого различия исторически сложившихся культур и традиций Китай — центр древнейшей цивилизации народов Дальнего Востока. Россия же — перекресток на пересечении западной и восточной культур... Весь вопрос (для обеих цивилизаций). — Л. Б.) в том, насколько гармонично войдет традиционная культура в жесткие индивидуалистические условия функционирования современного общественного устройства»²⁰. Цивилизационные особенности уже по определению не могут не накладывать отпечатка самобытности на реформаторские перемены в каждой из этих стран.

В одном нельзя не согласиться с А. П. Бутенко: он завершает статью призывом (почему-то со ссылкой на мнение двух американских профессоров) отказаться от копирования «чужих схем». Благие слова! Но зачем же тогда «поворачивать» на «китайский путь» и призывать копировать его?! Где же здесь здравый смысл, к которому апеллирует автор? Полагаю, что здравый смысл подсказывает необходимость *изучать* чужой опыт (прошу у читателя прощения за банальную сентенцию), в том числе и, может быть, особенно китайский (ввиду действительного сходства многих проблем), но России следует искать свой, российский путь преодоления глубокого кризиса переходной эпохи. И, как и в Китае, выбор этого пути, его цель, на мой взгляд, и в России все еще до конца не определится, но это будет именно *российский* путь.

Оперируя понятием «рыночный социализм», А. П. Бутенко не раскрывает своего понимания термина. Но судить о представлениях автора можно, по-видимому, по его конечному выводу: «Необходимо утверждение социально ориентированной смешанной рыночной экономики, регулируемой государством и опирающейся, в

¹⁹ Наумов И. Понятие «сяокан» и проблемы подъема национального благосостояния // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 6.

²⁰ Фэн Шаолэй. Указ. соч. // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 83. Профессор Гарвардского университета Ду Вэймин, один из наиболее известных современных постконфуцианцев, сетуя на то, что вестернизация уже внесла необратимые изменения в «духовный рельеф» конфуцианской Азии, и ратая за «новый синтез культур», констатирует, что индустриальная Азия «демонстрирует инструментальный рационализм, унаследованный от Просвещения. Действительно, менталитет Японии и четырех «малых драконов» пронизаны духом меркантилизма, коммерциализации и международной конкуренции. КНР (родина-мать всего «китайского мира») откровенно заявила о своем выборе аналогичной стратегии развития и, начав реформы в 1979 г., с тех пор демонстрирует аналогичный менталитет. Разумеется, не следует преувеличивать, но не следует и пренебрегать возможностью развития в этих странах более гуманного и более прочного духа сообщества» (Ду Вэймин. Глобальное сообщество как реальность: изучение духовных ресурсов социального развития // Китайская философия и современная цивилизация. М., 1997. С. 21.

первую очередь, на возрастающий спрос не кучки миллионеров, а на все расширяющееся потребление миллионов — этот решающий сектор рынка»²¹. В таком общем виде (автор не касается важнейшего вопроса — как достигнуть этой цели, видимо, имеется в виду «китайский путь») предложенная формула едва ли может вызвать возражения. Но, читая ее, вдруг вспоминаешь, что сходное определение уже встречалось на предшествующих страницах статьи А. П. Бутенко, ко в каком-то другом контексте. Вот как автор характеризует современное состояние капитализма: «Естественно умирающий, уже отживший строй пытается «омолодиться», успешно заимствуя у будущего кое-какие (!) механизмы (социальную политику, государственное регулирование экономики и т. п.)...» (курсив мой. — Л. Б.)²². Оказывается, наше «будущее» («рыночный социализм»?) в современном капиталистическом уже настоящее?! Противоречивость предлагаемого подхода становится еще более очевидной, когда читаешь двумя страницами ниже: «История становится уже качественно иной: ее прогресс и ее периодизация уже связаны не с переворотами в труде, в способе производства, а с рубежами развития науки. Кстати (!), это и есть перелом в переходе от индустриального общества к постиндустриальному (технотронному, информационному и т. п.) обществу конца рыночной экономики со всеми ее общественными последствиями»²³.

Итак, будущее, по мнению А. П. Бутенко, обусловливаемое не переворотами в способе производства, а развитием науки, — в переходе от индустриального общества к постиндустриальному (и т. п.) обществу. Но тогда, может быть, целесообразнее рассматривать переходные явления и китайской и российской действительности в свете мировых, глобальных процессов социального развития, которые приемлет как будто и А. П. Бутенко? Представляется, что такой подход поможет более адекватному пониманию как общего, так и особенного в путях «возвращения к прогрессу» (если пользоваться терминологией А. П. Бутенко), то есть к рыночной экономике как Китая, так и России.

²¹ Бутенко А. П. Указ. соч. С. 91.

²² Бутенко А. П. Указ. соч. С. 79.

²³ Там же. С. 81.